

Сергей Шаргунов

Замолк скворечник. Замоскворечье

*Часть сборника
Москва: место встречи
(сборник)*

Сергей Шаргунов

**Замолк скворечник.
Замоскворечье**

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шаргунов С. А.

Замолк скворечник. Замоскворечье / С. А. Шаргунов — «АСТ»,
2016

«...«Никола в Пыжах». Так храм назван из-за стрелецкого головы Богдана Пыжова. Слобода его полка – избы да огороды – располагалась вокруг. Полковник ходил в походы. Против него бунтовали. А когда недовольных наказали кнутом, стрельцы учинили обширный бунт под названием Хованщина. Командиров сбрасывали с колоколен, ворвались в Кремль, перерезали многих бояр и на время сломили власть...»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шаргунов С. А., 2016
© АСТ, 2016

Сергей Шаргунов

Замолк скворечник. Замоскворечье

Замоскворечье изначально звалось Заречье. Вольность весны, пустынность мест и холодок опасности.

На противоположном берегу жилища обильно лепились к дубовым стенам Кремля. А в Заречье люди оседали неохотно, потому что, разливаясь по весне, набегала речная вода. Вдобавок норовили нахлынуть кочевники.

Большая Ордынка, утро, стужа, темень, за оградой храма – то удары, то скрежет. Сквозь прутья можно увидеть мальчишечью фигуру в тулупчике и шапке-ушанке.

Не могу сосредоточиться на чем-то одном: то лом, то лопата.

Боец Заречья.

То истово вмазываю по льду, зажмуриваясь от осколков, то отдираю отбитое вместе со снегом и воздымаю рыхлую тяжесть былинного пирога, который так трудно и радостно нести в сторонку, чтобы обрушить в уже нехилую кучу.

Мне – двенадцать, и я – алтарник этого белого храма, где мой отец второй год настоятель. Сегодня мы приехали раньше всех, папа в сладостном тепле готовится к службе, а мне сказал: почистить двор, но не опаздывать. При первом ударе в колокол, то есть когда пономарь, она же сторож, некогда профессор-математик Лидия Михайловна, седая остроликая женщина, живущая на колокольне, начнет благовест – надо отложить лом и лопату, бежать в алтарь, облачаться в стихарь, разжигать и раздувать угли для кадила, а затем выйти в самый центр под куполом, положить на аналой толстую книгу, открыть ее на месте, заложенном лиловой лентой, и громко, почти по памяти, угадывая церковнославянские строки сквозь жирок воска, заляпавший страницы, читать «часы», слыша, как за спиной беспрерывно открывается дверь, звякая железным кольцом, и прибывает народ.

Рождественская неделя. На белых арочных столбах посреди храма – по иконе, а над ними – по еловой ветке. Как мохнатые брови... Это я вижу сквозь окна, мигающие огоньками лампад, но пока я во дворе в битве со снегом и льдом.

Храм внутри белешенок, росписей не осталось, и папа решил обойтись без новых. Только во втором приделе обнажилась сочная фреска XIX века – Никола Угодник в облачении и пене седин, пронзая участливым взором, протянул руку к полуголым морякам с измученными, как бы в бредовом жару лицами; у их корабля уже и парус обвис простыней, а волны вокруг рушатся, как стеклянные небоскребы с перламутровыми рыбами и изумрудной тиной...

Как быстро восстановили храм! Еще год назад внутри были ткацкие станки, фанерные и деревянные перегородки, делившие его на три этажа.

«Никола в Пыжах». Так храм назван из-за стрелецкого головы Богдана Пыжова. Слобода его полка – избы да огороды – располагалась вокруг. Полковник ходил в походы. Против него бунтовали. А когда недовольных наказали кнутом, стрельцы учинили обширный бунт под названием Хованщина. Командиров сбрасывали с колоколен, ворвались в Кремль, перерезали многих бояр и на время сломали власть... Но Пыжов уцелел.

Света. Кричат вороны. Церковь бела, как рубахи с картины «Утро стрелецкой казни»...

В стену чуть пониже окна вделана компактная плита, серая, с вырезанными по камню извивистыми письменами. Подхожу, провожу снежной варежкой, буквы вмиг белеют словно бы голливудской улыбкой, и читать легче.

1733 году ноября 8 числа преставися раба Божия прапорщика Игнатия Урываева жена ево Татиана Коньдратьева дочь а жития ея было от рождения 58 годов а по гребена против сей таблицы.

А вскоре была эпидемия чумы, выкосившая почти весь приход, включая отца-настоятеля, дьячка и пономаря...

В начале XIX века совсем рядом в усадьбе у дяди Алексея Федоровича жил молодой Грибоедов и любил слоняться с университетской компанией по Ордынке. Этот дядюшка был прихожанином храма, богатый барин, с которого, как полагают, срисован Фамусов; здесь крестили его дочь Софью, венчавшуюся с офицером из знатной семьи, одним из возможных прототипов Скалозуба.

Храм ограбили французы среди дыма Москвы...

Здесь стояла на отпевании героя Русско-японской войны георгиевского кавалера Давида Коваленко сестра царицы, великая княгиня Елизавета.

А потом храм закрыли, арестовали все духовенство, расстреляли священника и певчую, которые теперь причислены к лику святых.

Вернувшись к лому, бью лед со всей дури. Слышу: девочка что-то жалобно спрашивает у женщины, заметил краем глаза: они прильнули к решетке ограды и смотрят на меня с интересом, как на инопланетянина. А мне некогда отвлекаться, скоро колокол грянет... Бью и зажимаюсь.

Это моя бабушка и мама, у них за оградой – 1947-й...

Постояв и посмотрев минуту-другую в размытую синеву двора, они исчезают. Решили прогуляться по морозу перед школой? Или ладно – у них теплые майские сумерки 45-го, а не зимний рассвет. Все равно правда такова, что они, гуляя по Ордынке, заглядывали во двор этой церкви, где тогда было рабочее общежитие.

Мама моя Анна родилась неподалеку, в Лаврушинском переулке, в сером писательском доме. Бабушка моя, Валерия Герасимова, писала свою прозу, возлежав в алькове, на отделенной занавесью кровати, с крепким чаем и конфетами «Кавказские». А вечером отправлялась на улицы с дочкой – «прошвырнуться». Иногда зимой она выходила прямо в пижаме, заправив штаны в валенки, надев цигейковую шубу и шерстяной платок. Постояв возле ограды Николы, они пересекали пустую Ордынку и приближались к Марфо-Мариинской обители, тоже закрытой.

Там у обители до конца нулевых работала аптека, пережившая все эпохи. Можно было бы снять сериал «Аптека», показав лихое нагромождение исторических событий вокруг немого свидетеля со склянками и бинтами.

В этой аптеке Валерия покупала Ане то, чем выманивала ее на прогулку, – пакетик сухой черники или малины или леденцы из шиповника с сахаром. Шли дальше мимо домов, в подвалах которых на уровне земли сплошняком горел свет людских жилищ: оранжевые абажуры с кистями. Писательница, смущая дочку, останавливалась и с интересом заглядывала. Зимой за окнами на подоконниках лежала вата с елочными игрушками...

Став священником, мой папа в конце семидесятых познакомился в алтаре со старенькой монахиней Надеждой, одной из последних сестер Марфо-Мариинской обители. Она передала ему хранимые тайно бумаги – дневники протоиерея Митрофана Сребрянского, духовника обители и лично великой княгини, прошедшего тюрьмы и ссылку. Монахиня умерла в 1983-м в девяносто три года. В этих дневниках приводится несколько удивительных историй.

Вот свидетельство монахини Любови, в миру – Ефросинии. Юная сиротка Фрося, жившая в Харьковской губернии, впала в летаргический сон летом 1912 года. «Старец подводит меня к одной обители и говорит: „Это обитель святых жен Марфы и Марии“... Я увидела Великую Княгиню Елисавету Феодоровну в белой форме, на голове – покрывало, на груди – белый крест. Отец Митрофан тоже был в белой одежде, на груди такой же белый крест. Я совершенно не знала до этого времени о существовании Марфо-Мариинской обители милосердия, Елиса-

вету Феодоровну и отца Митрофана не знала и не видела»... После летаргического сна Фрося стала расспрашивать всех, есть ли такая обитель, и когда приехала в Москву в 1913 году, княгиня и духовник (узнав их, она «еле удержалась на ногах») приняли ее ласково...

А вот из жизни самого протоиерея Митрофана. Незадолго до Февральской революции он пришел на литургию в большом волнении и, прежде чем начать служить, позвал к себе в алтарь великую княгиню и рассказал ей свой предутренний «тонкий сон»: рушится обьятая пожаром церковь; портрет императрицы в траурной рамке, который затем покрывают лилии; архангел Михаил с огненным мечом; молящийся на камне преподобный Серафим... В ответ Елизавета спокойно сказала, что это картины ближайшего будущего: страдания Церкви, мученическая гибель ее сестры и большие бедствия.

Через два года ее сбросили в шахту на Урале.

Моя мама бегала по Замоскворечью с четырех лет. Писательский дом высился скалой среди захолустья: развалин, деревянных домиков за дощатыми заборами, заброшенных церквей...

Еще продолжалась война, и вечером окна закрывались черными шторами. Иногда с домработницей Марусей затемно отправлялись за хлебом, который давали по карточкам – вставали в долгую очередь. Маруся одаривала Аню довесочком.

Как-то в квартиру пришел человек из органов и сообщил, что домработница отправляет любовные письма самому Молотову.

– Маруся, это правда? – спросила встревоженная хозяйка.

– Валерия Анатольевна, – ответила та с достоинством, – у вас своя личная жизнь, у меня – своя.

Маруся была уверена во взаимности, ей казалось, что во всех речах Молотов оставляет ей намеки...

Возле дома зимой на руинах барской усадьбы высилась ледяная гора, с которой катались окрестные ребята в плохоньких перелатанных одежках, почти все – безотцовщина из-за войны. Чуть подальше армия детей летала по большому катку на пустыре, где в конце пятидесятых вырастет здание атомного ведомства. Увидев из окна копошение, мелькание, кружение множества человечков среди развалин и снегов поэт Кирсанов воскликнул: «Это же Брейгель!»

9 мая в День Победы улицы Замоскворечья заполнил народ, незнакомые обнимались и целовались, устремляясь в сторону Кремля. Смех, слезы, солнце. Аня в теплой пыли собирала яркие фантики с изображением разноцветного салюта. А вечером дали небывалый салют – из тысячи орудий. В гаснущем темно-синем небе прожекторные лучи гнались друг за другом ослепительной каруселью. Затем на небо, как на сцену, выплыли и заколыхались освещенные отовсюду небывалых размеров пурпурное знамя и портрет генералиссимуса – они словно парили сами по себе... Поднявшие их аэростаты скрывала тьма, и представление выглядело как нечто сверхъестественное.

Однажды вечером Аня с подругой Олей Голодной (одной шесть, другой четыре) из ее комнаты увидели: по балкону прошла группа мужчин в старинных темных одеждах и цилиндрах. Они растаяли в воздухе... Девочки побежали на балкон, но пешеходов будто и не было. Увиденное ничуть не удивило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.